

Так как хуже уже быть не могло,
стало лучше.

Ф. Кафка

ГЛАВА 1

Первые две недели после того вечера этот сон снился мне каждую ночь. Порой он тянулся невыносимо долго, со всеми подробностями и страхами, а бывало, врывался короткой панической вспышкой, оставляя неприятное и тревожное послевкусие.

Разбитое зеркало, распахнутое окно, женский силуэт на его фоне. Лица женщины я никогда не могу разглядеть, хотя очень стараюсь. Странная и пугающая беспомощность.

Тем не менее мне прекрасно известно, кто эта женщина. Ведь все это происходило на самом деле, просто мозг отчего-то заиклился и поставил на повтор не самое приятное воспоминание.

«Это ты во всем виновата. Ты сама. Помни об этом всегда!»

Я вижу капельки крови на своей бледно-голубой футболке и на кафельной плитке. Я хочу объяснить ей, что ни в чем не виновата, но никак не могу, потому что слишком старательно всматриваюсь в ее лицо, словно это принесет избавление.

Женщины я не боюсь, но от резких слов и упреков делается больно, мучительно плохо. Я поворачиваюсь к зеркалу и вижу в нем себя, покрытую трещинами, искаженную и мерзкую. Вот отчего мне по-настоящему жутко.

Потом она стала сниться мне реже, а спустя месяц сюжет сна перестал быть повторяющимся и однообразным.

Иногда я разбивала зеркало, иногда она, временами мне казалось, что я, переполненная ее жгучей ненавистью, смотрю на себя со стороны, и я просыпалась в слезах от невыносимой жалости к себе.

Вот уж не ожидала, что могу быть столь впечатлительной.

В моей жизни много раз складывались неприятные ситуации, но ни одна не снилась с такой невыносимой настойчивостью.

— Может, ты чувствуешь перед ней вину? — предположила Лиза, когда я в очередной раз пожаловалась ей на надоевший сон.

— Нет конечно. Она взбесилась на ровном месте.

— Ну да, ну да. — Лиза иронично покивала. — Я помню, что в намеренном соблазнении Томаша у Нади на глазах ты отказываешься сознаваться.

— Потому что такого не было!

— Давай не станем начинать заново? Такое было, и Надя это видела. Без разницы, по чьей инициативе — твоей или его, но то, что ее бомбануло именно поэтому, сомнений нет. А вот почему она тебе снится, понятия не имею. Я знаю, как избавиться от прыщей, секущихся волос и надоедливых парней, а как от плохих снов — без понятия.

Была уже середина лета. Июль. Стояла жара. Москва утопала в сухой автомобильной пыли. Затянутое смогом небо почти не дышало, и солнце, с трудом пробиваясь через его толщу, изматывало духотой. Мы валялись на сизой лужайке возле искусственного, обложенного бетонными плитами пруда, в котором запрещалось купаться, и время от времени мочили в нем ноги.

Уехать на каникулы нам с Лизой было некуда, приходилось маяться в городе. Раз в неделю, по субботам, мы катались в Серебряный Бор, чтобы искупаться, но каждый день дороги обходился дорого. На одно метро туда-обратно — сто рублей.

— Странно все же, что Надя так внезапно ушла. Из-за этого сна я часто ее вспоминаю.

— Вовсе не странно. — Лиза села, обхватив колени. — Директриса узнала о ее развратных похождениях и уволила.

— Это только твои догадки.

— Пусть догадки. Зато известно, кто точно в курсе...

Щурясь на солнце, она с призывной насмешкой продолжала на меня смотреть.

— Ну чего тебе? — вспыхнула я, чувствуя, к чему она клонит.

— Ты все еще его любишь?

— Я никого не люблю.

— Это ты будешь Бэзилу заливать. — Она снова откинулась на траву.

Лиза была красивая. Броская — крашенная блондинка с огромными карими глазами. Папа у нее был армянин, а мама — украинка. Эта гремучая смесь крови подарила Лизе здоровый цвет лица, меланхоличный взгляд, большой рот, идеально ровные белые зубы и отличную фигуру. Ростом Лиза была чуть ниже меня, но ее груди и попе я откровенно завидовала.

В списке моих достоинств они точно не значились. Зато мне неведомо слово «диета» и лишние килограммы, что, по Лизиным словам, очень облегчало жизнь.

Впрочем, моя внешность меня вполне устраивала. Красавицей я себя не считала, но по количеству внимания, получаемого от противоположного пола, нетрудно было догадаться, что с этим у меня все в порядке. Только в отличие от Лизы я это внимание не очень-то жаловала. Оно хоть и льстило самолюбию, но потом еще больше угнетало, ведь с ним нужно что-то делать: оправдываться, словно я в чем-то виновата, и муторно разжевывать, почему не могу ответить взаимностью.

Именно поэтому для решения этих и других неприятных моментов мне и понадобился Бэзил. Вообще-то мы с Васей Степиным были друзьями. Нормальными, обычными друзьями без всяких там френд-зон или неосознанных влечений. Просто нам обоим было выгодно, чтобы

другие считали, будто мы вместе. Ему — отшивать надо-
евших девушек, ссылаясь на то, что я «все узнала», а меня
избавляло от ненужных поклонников и объяснений.

Совсем рядом послышался странный шум. Мы с Лизой
резко сели. Неподдалеку стояла странного вида старушка
в смешной панамке и кормила огромную стаю голубей.
Хлопанье их крыльев и заставило нас вскочить.

Старушка сыпала крупу из прозрачного пакетика. К го-
лубям со всех ног примчался малыш лет четырех и с кри-
ками «Птички!» ворвался в голубиную стаю. Птицы шум-
но вспорхнули.

За мальчиком не спеша шел ухмыляющийся папаша —
высокий круглоголовый лысый мужик. Старушка с укором
посмотрела на мальчика и переместилась в другое место,
мальчик с папой дождались, пока она насыплет крупу и го-
луби, громко курлыкая, слетятся к ее ногам. Затем, заво-
пив «Птички!», мальчик бросился их разгонять, а папаша
довольно захохотал. Старушка расстроено покачала голо-
вой и побрела дальше. Голуби летели за ней.

Отец с сыном продолжали настырное преследование.
Старушка пыталась прибавить шаг, но в соревновании с
ними у нее не было ни малейшего шанса. Малыш визгли-
во заливался, его родитель гоготал басом. Так повторилось
несколько раз. Старушку было жалко.

— Помогите! — вдруг громко крикнула Лиза и, широко
раскинув руки, упала навзничь.

Мужик посмотрел в нашу сторону. Старушка тоже обер-
нулась, мальчик застыл как вкопанный, голуби взлетели.

— Помогите! — Я помахала мужику.

Тот замешкался, потом подозвал сынишку и направил-
ся к нам.

— Идет, — предупредила я Лизу, — сделай мучениче-
ское лицо.

— Что такое? — Мужик нарисовался возле меня.

— Моей подруге плохо.

— Нужно «Скорую» вызвать, — выдал он глубокомыс-
ленно.

— Не нужно, — отрезала я. — Отнесите ее на лавку, а я воды наберу.

Мужик оценивающе оглядел Лизу. Судя по всему, ее прекрасный вид придал ему геройской решимости.

— Ладно. — Оголяя поясницу и жирные складки на боках, он неуклюже наклонился, поднял Лизу и понес на лавочку.

Ребенок побежал за ними. Еле сдерживая смех, я кинулась к растерянной старушке и скороговоркой выпалила: «Уходите, пока мы их отвлекаем».

Некоторое время она непонимающе смотрела, но потом в ее глазах блеснул хитрый огонек.

— Может, все-таки «Скорую»? — предложил мужик, усадив Лизу на лавку.

Для такого непробиваемого тупаря он проявил удивительное участие.

— Пти-и-чки! — растопырив пальцы, печально протянул мальчик.

Мы повернулись в ту сторону, куда смотрел ребенок. Старушка исчезла, голуби тоже.

— Улетели, — пробубнил папаша.

— Бабушка ушла, — подтвердила я.

Лиза тут же встала с лавочки, одернула на попе сарафан и поправила декольте.

— Спасибо, — сказала она озадаченному мужику, — я всегда в обморок падаю, когда вижу невоспитанных детей.

— Не понял! — Мужик напрягся.

Тогда Лиза зачем-то показала ему язык и залиvisto расхохоталась.

— Это что, шутка такая? — Лысина мужика покрылась испариной.

— Это праведное возмездие. — Я показала ему средний палец.

Мы бежали и смеялись, хотя мужик и не собирался догонять.

После пруда у нас были запланированы поход в торговый центр и традиционный перекус в кафе. Но Лизе вдруг

захотелось яблок, и мы зарулили в шатры ярмарки выходного дня. Внутри пахло свежими фруктами и зеленью.

Мы пошли вдоль рядов, грустно постояли над черешней и абрикосами, которыми торговали вредные толстые тетki, но зато получили по паре бесплатных яблок от Рустама, а также чурчелу с маленьким кульком соленого арахиса от Фазиля. Задерживаться и любезничать с ними не стоило, иначе они могли вообще не отстать. Закинув презенты в пакетик с ручками, мы быстренько двинулись на выход.

За рядами с медом и сухофруктами располагались прилавки с постельным бельем, тапочками, солнцезащитными очками и всякой бытовой ерундой вроде веников и прихваток.

Проходя мимо столика с вязаньем и рукоделием, я вдруг заметила ту самую старушку с голубыми. Она оживленно болтала с продавщицей. Просто удивительно, как она могла дойти так быстро. Ведь мы с Лизой полпути бежали, а на рынке провели не больше пятнадцати минут. Я показала Лизе на нее пальцем, и в этот момент старушка повернулась в нашу сторону. Мы встретились глазами, и она поманила нас рукой.

— Идите-ка сюда, хочу отблагодарить вас.

— Не нужно, — откликнулась я, — мы просто дурачились.

— Иди-иди. — Старушка продолжала настойчиво махать рукой.

Ничего не оставалось, как подойти.

Грузная смуглолицая продавщица в цветастом платке, повязанном наподобие банданы, и мешковатом фартуке на выпирающем животе с подозрением смотрела на нас исподлобья.

Стена позади нее была увешана вышивками и вязаными ковриками в два ряда, а столик забит разноцветными нитками, пуговицами и тряпочками.

— Вот эти девчонки, — сказала ей старушка.

Женщина сурово покачала головой и, смерив нас придирчивым взглядом, откинула дощечку, перекрывающую проход за прилавок:

— Заходите!

— Зачем? — насторожилась я.

— Погадаю вам.

— Правда? По-настоящему? — не дав мне и рта раскрыть, тут же зажглась Лиза.

— Кривда, — буркнула женщина.

Вид у нее был такой, будто мы ее долго упрашивали и теперь она соизволила сделать одолжение.

— Ладно, идем, — потянула я Лизу на выход. — Все равно это вранье и обман.

— Почему обман? — Слух у продавщицы оказался превосходным.

— Ничего-ничего, — подбадривающе похлопала меня по плечу старушка. — Гуля добрая и всю правду вам скажет.

— У нас денег нет, — нашлась я.

— За гадание денег не беру, — фыркнула Гуля. — Короче, кто смелый, тот заходит, кто недоволен, проходит мимо. Мне торговать надо, а не время на вас терять.

Пока она не сказала про «смелый», я собиралась уйти.

— Давай попробуем, — попросила Лиза. — Мне очень любопытно.

Пришлось уступить.

Мы зашли к Гуле за прилавок и там между двумя рядами ковриков увидели три табуретки. Одна из них служила столиком. На ней стояли чашки и пепельница. Гуля быстро их убрала и выудила из кармана фартука колоду карт Таро.

— Кто первый? — Плюхнувшись на табуретку, она широко расставила ноги в домашних тапочках.

— Давайте я. — Лиза торопливо заняла место напротив нее.

Между ними стояла пустая табуретка-столлик.

— Ты пока будь там, — ладонью пресекла Гуля мою попытку подойти, — а то энергетику всю нам попортишь.

Я остановилась, чувствуя смутное сожаление, что мы повелись на эту разводку, и пытаюсь сообразить, как и на что Гуля рассчитывает нас кинуть. Но, даже если она нас заипнотизирует, денег у нас на двоих было от силы рублей пятьсот.

— Задумай вопрос, — велела она Лизе.

Ловко перетасовав колоду, Гуля разровняла ее ладонью по поверхности табуретки, превратив в полукруг.

— Выбери шесть карт, но сама не трогай. Просто показываешь мне. Ясно?

Лиза принялась быстро тыкать наманикюренным пальчиком в рубашки карт.

Гуля по очереди выложила в ряд выбранные карты и перевернула. Нахмурив лоб, осмотрела их и уперла руки в разведенные колени.

— Отчужденность, безразличие, скука, — заговорила она монотонным пророческим голосом, — все стало слишком привычным. Ты не позаботилась о том, чтобы завершить начатое, и не получила чего хотела. Теперь контроль над событиями потерян. Наступает время терпеливого ожидания, но исход его не гарантирован, а успех соединен с разочарованием. Кругом ошибки и рассеянность. Тебе грозит смертельная опасность от друга, — Гуля бросила взгляд на меня, — или подруги. Но будешь воздержанной, ничего не случится. Ответ на вопрос — время. Оно твой союзник.

Тяжело выдохнув, Гуля откинулась назад, обозначая, что закончила. Лиза недоуменно потрясла головой.

— Я думала, вы скажете что-то нормальное. — Лиза обиженно пожала плечиком и встала.

Гуля навела на меня палец:

— Теперь ты.

— Не, мне не надо. Я про себя и так все знаю.

— Спроси ее про сон, что он значит, — сказала на ухо Лиза.

— Ладно. — Я заняла ее место, и Гуля разложила передо мной карты.

Я выбрала шесть наугад. Она их раскрыла.

Красивые, цветные картинки с изображением человеческих фигур, зверей и различных предметов. Раньше я никогда не видела карты Таро так близко. На первой карте была изображена стоящая за забором из мечей женская фигура со связанными руками и завязанными глазами. На второй — огромная луна с лицом и воющими на нее собаками. Следующей шла перевернутая вверх ногами королева в ярко-желтом платье, за ней — парень в средневековой одежде с охапкой мечей. Женщина на пятой карте сидела в кровати и прятала в ладонях лицо, а на потолке витали страшные тени. Последняя карта называлась Справедливость — человек в красной мантии на троне.

— Ты в клетке, и ты попала, — глухо произнесла Гуля. — Что-то надвигается, и вероятность совершить ошибку очень высока. То, что вчера казалось ясным, скоро покроется мраком. Днем в лесу спокойно, но ночью тени оживают. Несчастливая, трагическая ситуация, тяжелая потеря, скорбь, шантаж и стыд. Упорство в отстаивании неправильных решений. Бессмысленная ложь. Ты открываешь глаза на истину, возле которой нет места счастью. Дурные последствия прошлого. Боль, усталость и желание изменить все к лучшему. Бояться стоит не событий, а будущего.

Гадалка смотрела на меня так, словно это я должна была ей что-то объяснить. Но, судя по тому, какие слова она произносила, все было плохо. Что, в общем-то, не сильно удивляло. Я уже давно выросла из ожидания чудес.

— Ищи причину в женщине — взрослой, гордой и ревливой. Она противостоит тебе. Отпустишь ее — и она отпустит тебя. Доверяйся не чувствам, а разуму. Видишь эту карту? — Гуля постучала по изображению человека в красной мантии. — Это кармическое правосудие, упорядочивание хаоса и оплата по счетам. Ты можешь признать свою вину, а можешь доказать невиновность. Но баланс необходимо восстановить, иначе потери продолжатся и конца им не будет.

Она замолчала. Я обдумывала сказанное. Станным образом этот общий набор фраз отзывался во мне интуитивным пониманием, хотя мы и договорились с Лизой не верить в плохое. Когда она сказала про женщину, с которой нужно договориться, я сразу подумала, что это очень подходит под мой вопрос. И все описанное в целом было довольно близко.

Я встала и кивнула Гуле:

— Спасибо.

Первый раз за все время она улыбнулась:

— Погодите, дам еще вам кое-что.

Покопавшись среди своих мешков, она вытащила из пакета две пуговицы на ниточках и вложила Лизе в руку:

— Обереги от темных мыслей.

Мы поблагодарили ее и поскорее ушли. Можно сколько угодно убеждать себя в том, что я в гадания не верю, однако неприятный осадок все же остался.

— Нужно мне, наверное, найти Надю и поговорить с ней, — сказала я Лизе, когда мы вышли на воздух. — Узнать, почему она так резко уволилась. Может, я на самом деле в чем-то виновата перед ней, просто не отдаю себе в этом отчета?

— Где же ты ее теперь найдешь?

— У Тамары Андреевны спрошу. Слышала, что эта Гуля сказала? Что она отпустит меня, если я ее отпущу.

— Это значит, что ты должна перестать о ней думать.

— А как я перестану, если она мне снится?

— Вот тебе пожалуйста — замкнутый круг. Помнишь, весной, когда твоя Яга умерла, ты запретила своей матери на похороны приезжать? Я спросила почему, а ты сказала: «С глаз долой — из сердца вон».

Я пожала плечами:

— Ну, это я просто пошутила, чтобы не портить никому настроения рассказами о том, как я ее ненавижу.

— Сейчас то же самое. Зачем тебе видеть Надю? Быстрее забудется.

— Тогда я не знаю, что делать.

— Вот потому гадалка и сказала, что ты в клетке.

— Я еще помню про дурные последствия прошлого и что стоит бояться будущего.

— Все, хватит, — оборвала Лиза. — Мы же договорились не верить, а то я тоже начну думать, что из-за тебя меня ждет смертельная опасность. Извини, зря я тебя на это подбила. Просто всегда хочется услышать, что когда-нибудь все станет хорошо.

Проходя возле продуктового магазина, мимо нищего старикана с хозяйственной сумкой для подачек, Лиза выкинула в нее две наши пуговицы.

— Зачем ты это сделала? — удивилась я.

— Моя бабушка, та, которая армянка, говорила, что чужие пуговицы носить нельзя. И на дороге или с пола подбирать тоже. Они могут забрать твою душу или свести с ума.

ГЛАВА 2

Хаос начинается с мелочей. С одной малюсенькой дырки на носке, со смятого фантика на полу, с пожелтевшего высохшего огрызка яблока среди бумаг, с промокших ботинок или отрывающейся пуговицы. Хаос похож на вирус: заразный и очень живучий, он может поселиться где угодно, забраться в твой мозг, в сердце или даже в душу. Зацепившись крохотным микробом за твою жизнь, он приживается и распространяется повсюду, куда сможет проникнуть.

Поддерживать порядок непросто, но еще сложнее избавиться от этого всепоглощающего хаоса.

Труп нашли во время третьего урока. У нас как раз шла физ-ра, и я, пробегая мимо окна, первая заметила странное скопление людей в палисаднике соседней многоэтажки, где и собачники-то нечасто гуляли, а уж тем более в такую мерзкую погоду.

Дождь лил две недели не переставая, и все вокруг: и дома, и деревья, и люди — пропиталось его влажным, промозглым холодом. Везде что-то текло, капало, шумело в водостоках, долбило по подоконникам, шелестело и раз-

брызгивалось под колесами машин. Октябрьская сырость пробирала до костей.

— Что там? — Не поднимаясь со скамейки освобожденных, Лиза подергала меня за футболку.

Но я продолжала вглядываться в непонятное сборище. Темные нахохлившиеся фигуры. Человек десять, и среди них несколько полицейских. То, что на земле перед ними что-то лежит, угадывалось смутно, совсем неясно, расплывчато из-за непрерывно текущей воды. Можно было строить догадки, однако особым разнообразием они не отличались.

За моей спиной возник Фил и, дурачась, придавил меня к подоконнику. Я отпихнула его плечом.

— Погоди, кажется, дело серьезное.

От моего дыхания стекло запотело, и Фил протер его рукой.

Два человека в полицейской форме растягивали между деревьями красные заградительные ленты.

— Пойдем посмотрим! — предложила я.

— Че такое? — к нам подскочил красный, разгоряченный Бэзил, шутливо оттолкнул обеими руками Фила, глянул в окно и присвистнул.

— Микки предлагает сходить. — Фил кивнул в сторону собравшихся.

Новый физрук проводил уроки в расслабленном режиме, и дверь зала всегда оставалась нараспашку. Выйти в туалет, попить — как нечего делать.

Пока весь класс увлеченно играл в волейбол, мы вчетвером: я, Лиза и Фил с Бэзилом — спокойно вышли из зала и рванули на первый этаж. Взяли в раздевалке куртки и, перескочив через турникеты на проходной, беспрепятственно оказались на улице.

К одиннадцатому классу мы уже не опасались наказания ни за самоволку, ни за прогулы, ни за курение. Нас наконец оставили в покое, лишь бы мы нормально сдали ЕГЭ. Все остальное отошло на второй план.

Шлепая по лужам, мы пробежали по асфальтовой дорожке и обогнули школу. Среди деревьев палисадника ок-

тябрьское уныние ощущалось особенно сильно. Черные мокрые стволы, черная земля, сморщенные желто-коричневые листья на ней. Сырой холод просочился под куртку и, забравшись под штанины, пополз по голым ногам. Дождь моросил мелкий, но сплошняком. Выбившиеся из-под капюшона волосы быстро намокли.

Под окнами высотки собралось уже не меньше двадцати человек: кучка полицейских и чуть поодаль — зеваки. На подъездной аллее стояли две полицейские машины. Бэзил подошел к двум мужчинам в синих спецовках работников ЖКУ.

— Что там?

— Да трупешник, — охотно откликнулся тот, что помоложе, — в канализационном люке.

— Я нашел, — гордо добавил второй. — Они мне говорят: «Лезь», а я им: «Сдурели?» И так все в воде. Как в такой дождь работать? Хорошо дождевик всегда с собой ношу. Он много места не занимает. Сорок минут возился, пока крышку снял.

— И чего? — нетерпеливо перебил его Бэзил. — Что за трупешник?

— Откуда я знаю? Я как люк вскрыл, оттуда такая вонь шибанула, что я чуть сознание не потерял. Сразу в полицию позвонил.

Информация звучала ужасающе.

— Его достали? — с опаской спросила я из-за плеча Бэзила.

— Минут десять назад. Девка, похоже. Но там от нее рожки да ножки остались, так что лучше, ребят, не смотрите. А то спать не будете.

— Расчлененка? — с любопытством поинтересовался Фил.

Сантехник пожал плечами:

— Вроде нет, просто давно лежит. Но это не точно, труп был завернут.

Ничего больше не выясняя, Бэзил с Филом припустили туда, где суетились полицейские, а мы с Лизой, взявшись за руки, нерешительно двинулись за ними.

Я только раз видела в жизни мертвеца — мою бабу Ягу, сбитую на пешеходном переходе прошлой весной. Она хоть и лежала в гробу и была намазана каким-то серым воском, ее безжизненное потустороннее лицо напугало меня до ужаса, хотя Яга и при жизни красотой не отличалась.

В Лизиных огромных карих глазах застыло нервное напряжение, словно в любой момент она кинется наутек. И от этого вполне понятного, но детского страха было немного смешно. Страшно, смешно и очень любопытно.

Однако приблизиться нам не дали: широко расставив руки, дорогу преградил мокрый серый дядька.

— Разворачиваемся и уходим. Тут вам не цирк.

— Нам надо, — сказала я, не зная, какое объяснение придумать. — Мы по делу.

Я всегда делала вид, будто имею права. Люди от этого терялись и начинали сомневаться в себе.

— По какому делу? — решил все же выяснить дядька.

— Насчет того трупа. — Я махнула рукой так, словно трупы лежали повсюду, а нам понадобился именно этот.

Дядька нахмурился:

— У вас есть информация?

Я неопределенно кивнула.

— Что-то знаете? Видели? — Он обвел нас недовольным взглядом.

На Лизином лице появилось отработанное годами и лучшее из ее репертуара выражение «Ниченезнаю».

— Возможно, — уклончиво ответила я.

Дядька вытащил из кармана визитку и протянул мне.

— По будням с двенадцати до пяти. Приходи, расскажешь. А сейчас идите отсюда.

— Хорошо, конечно, — сунув не глядя визитку в карман, энергично закивала я.

Изобразив покорность послушных школьниц, мы немного сдали назад и, обогнув разросшиеся кусты снежно-ягодника, целенаправленно устремились к тому, что так зловеще-притягательно лежало возле колодезного люка.

В этот момент полицейские как раз погнали оттуда парней, и нам удалось подобраться к трупу.

Невообразимое бесформенное вонючее нечто, обрывки серой ткани, бывшие когда-то одеждой, куски синюшной кожи, проглядывающие кости конечностей, бесцветная мочалка остатков волос, на месте лица — расплывчатое бугристое желеобразное пятно.

— Мамочки, — прогнусавила Лиза, зажав двумя пальцами нос.

— Крантец, — с чувством подтвердила я.

Из-под тела выглядывал кусок заплесневелой клеенки со стершимися контурами рисунка и сгнившими веревками по бокам.

— А ну кыш отсюда, — прикрикнул на нас кто-то сзади, и мы не без облегчения вернулись на пешеходную дорожку, между палисадником и школьным забором, где нас уже поджидали Фил с Бэзилем.

Остановились и несколько секунд с раскрытыми ртами жадно дышали.

— Ща блеванут, — заржал Фил.

— Не дожدهшься, — процедила сквозь зубы Лиза.

— Фигово выглядит. — Фил держал сигарету в кулаке, чтобы не намокла, и затягивался.

— Ясно, что фигово. — Бэзил курил, спрятавшись под капюшоном и выпуская дым себе под ноги.

— Она же типа мертвая.

— Представляете, может, мы учились, а ее тут убивали? — Лиза очень впечатлилась увиденным.

— Ткаченко, ты че? — Фил приложил ей ладонь ко лбу, якобы проверяя температуру. — Убивают вообще-то ночью.

Фил был высоким, красивым, с вьющимися каштановыми волосами, которые он тщательно укладывал, ямочкой на широком подбородке и смеющимися глазами, однако умом не отличался и соображал намного медленнее, чем разговаривал.

— Убивают всегда, — сказала я. — Вот мы тут стоим разговариваем, а прямо сейчас кого-то где-то убивают.

— Хватит пугать! — Лиза проворно расстегнула Филу куртку и нырнула под нее с головой.

На самом деле Фил с Лизой встречались только потому, что были нашими с Бэзилем друзьями и так было удобно всем.

Бэзил осмотрелся. Его пронзительный цепкий взгляд — единственное, что можно было различить под синим капюшоном.

— В темноте тут раздолье для маньяков, даже фонарей нет.

— Может, ее вообще не здесь убили. — По лодыжкам и загривку пробежали мурашки.

— Из того дома притащили, наверное. — Фил кивнул на белую высотку.

— Или из соседнего, — добавила Лиза.

— Кто-нибудь разглядел клеенку, на которой она лежала? — спросила я.

— Я не видел. — Бэзил докурил.

В школе прозвенел звонок, и здание тут же наполнилось монотонным гулом. Полицейские едва успевали тормозить вываливших на улицу ребят возле заградительных лент. В нашем корпусе учились только старшие классы, так что давалось им это непросто. Прибежали охранник Марат и завуч Ольга Олеговна.

Какое-то время мы молча наблюдали за суматохой.

— Что там, ребятки, приключилось? — к нам подошла повариха. — Убили, что ль, кого?

Среди мрачной серости ее не особо чистый халат, казалось, сиял белизной.

— Убили, — отозвался Бэзил.

— Батюшки, — ахнула она, с чувством всплеснув руками, — а кого?

— Женщину, — сказала Лиза, — вроде.

— Точно женщину, — подтвердил Фил.

Маленькие бесцветные глаза поварихи загорелись азартным любопытством.

— Изнасиловали?

— Мы свечку не держали, — буркнул Бэзил.

— Ее давно убили, — пояснила Лиза, — и спрятали в колодце.

— Может, забьем на физику? — предложил Фил, когда повариха свалила. — Подыхаю жрать хочу. Кто со мной в ТЦ?

С тем, что теперь странно идти на уроки, согласились все.

— Принесешь мои вещи, — попросила Лиза, — я вас на крыльце подожду.

Пока я передевалась, только и думала, что о трупе. Неприятное зрелище, омерзительное. От одной мысли, что человек превращается в вонючую, тошнотворную гниль, делалось жутко.

Забрав Лизину сумку, я спустилась вниз и возле столовой рядом с умывальниками заметила Томаша. Облокотившись обеими руками о раковину, он стоял спиной ко мне. Я остановилась.

Слава Томаш пришел к нам в десятый, и все девчонки тут же в него влюбились: новый, красивый, таинственный парень, как в фильмах показывают.

Спокойный, умный, аккуратный, с лицом, которое смело можно было выкладывать в раздел «эстетика парней», и фигурой даже лучше, чем у Фила, а тот у нас считался чуть ли не Аполлоном.

Мне Томаш тоже понравился, но обычно парни сами влюблялись в меня, а у меня при всем желании влюбиться по-настоящему не получалось, так что я не придавала этому значения до тех пор, пока неожиданно Томаш не подкатил ко мне сам.

Действовал он осторожно и ненавязчиво: сначала мы переписывались, а потом он недели две провожал меня до дома, развлекая историями о прежней школе где-то в Подмосковье, рассказами об искусстве, в котором он, видимо, неплохо разбирался, о детских путешествиях с мамой-художницей.

Слава не только выглядел взрослее большинства моих одноклассников, но и разговаривал, рассуждал и вел себя

по-взрослому. И все же — в этом я уже призналась себе намного позже — меня захватили вовсе не его взрослость и умные разговоры, которые я слушала вполуха, и даже не ореол загадочности. Будь Томаш таким же недалеким, как Фил, или таким же скучным, как Липатов, или нервным, как Бэзил, будь он хоть глухонемым или аутистом, как Женечка, для меня бы это не имело никакого значения. С самого начала мое увлечение им было абсолютно примитивным, плоским и до неприличия физиологичным. Каждый день я надеялась, что он вот-вот обнимет меня, поцелует и можно будет уже не стесняться своих чувств.

Однако Томаш тянул. И мне, с моей природной нетерпеливостью, стоило либо уже перейти в наступление, либо прекратить это странное общение, но я лишь малодушно ждала, пока внезапно в один момент он не потерял ко мне интерес. Перестал писать, провожать и даже тайком поглядывать. Несколько дней под колкие насмешки Бэзила я надеялась, что он одумается или объяснит причину столь резкой перемены, но оправдываться Томаш не собирался, обращая на меня внимания не больше, чем на школьные стены.

Теряясь в догадках и чувствуя себя униженной, я спросила Томаша: «Что происходит?» Выражение его лица после этого вопроса я, наверное, никогда не забуду.

Он посмотрел с таким искренним недоумением, что я растерялась, ведь по большому счету предъявить мне было нечего: мы ни о чем не договаривались, ни в чем друг другу не признавались и даже не целовались.

— Ты о чем?

Не придумав ничего лучше, я открыла в телефоне нашу переписку и показала, тогда он, в свою очередь, открыл свой телефон, и я увидела пустоту: ни одного сообщения ни от меня, ни от него. Все было тщательно удалено. Прежде меня никто так не унижал.

— Я тебя обидела?

— Нет конечно! — Он вежливо улыбнулся. — Мне не на что обижаться.

— Можешь объяснить, что изменилось?

— Ты что-то путаешь, но не переживай. Я тоже иногда ошибаюсь и потом стыжусь этого.

Лиза не сомневалась, что он узнал обо мне нечто такое, что заставило его сдать назад, однако, несмотря на множество дурацких происшествий, в моей биографии не было ничего стыдного или позорного.

Внутри себя я послала Томаша ко всем чертям, но он никуда не ушел, а прочно обосновался в моей голове. И единственное, чем я могла погасить это настырное навязчивое чувство, был гнев. Меня злило абсолютно все, что было с ним связано: его прическа, пиджак, манера держаться у доски, идиотское прилежное поведение, даже дурацкая фамилия, и та бесила.

Лиза иронично называла это любовью-ненавистью, парни же нарочно звали его моим крашем, и если кто-то намеревался разозлить меня, то достаточно было коснуться этой темы.

Из столовой выскочили два пацана и, поскальзываясь на поворотах, помчались по коридору. Томаш выпрямился и, резко обернувшись, застучал меня с поличным. В тяжелом взгляде застыл вопрос.

— Бэзил не пробегал? — вежливо улыбнувшись, спросила я, хотя отлично знала, что все уже ждут меня на улице.

— Они с Филом ушли.

Томаш почти никогда не пропускал уроки, во всяком случае те, на которых я присутствовала, и видеть теперь, что он не торопится на занятия, было довольно странно. Кивнув ему, я быстро прошла по застекленному коридору между школьными корпусами. По затуманенным окнам стекали капли дождя. Я надела на ходу куртку и издали покачала охраннику Марату. Мысли о Томаше вытеснили впечатления об утреннем происшествии. Стоило начать о нем думать, остальное отходило в сторону, теряло резкость и размывалось. Не то чтобы я думала что-то конкретное, просто он то и дело вставал у меня перед глазами. Как разговаривает, как двигается, в чем был одет, как

посмотрел или улыбнулся. Нелепые, бессвязные картинки. Навязчивые, раздражающие образы.

Ребята о чем-то переговаривались, а я толком не слушала. Плелась за Бэзиллом, послушно позволяя ему вести себя за руку. Из-за сырой погоды и холода меня одолевала бесконечная простуда. Она то немного отступала, то накатывала с новой силой. Хроническая усталость, сопли, озноб. Стоило купить новые ботинки, подошвы моих треснули, и, хотя со стороны это не видно, ноги постоянно промокали, а ботинки не успевали высыхать внутри.

Только на носовые платки у меня были деньги, а вот на ботинки нет.

Все шмотки, которые я носила, мне подгонял Бэзил. Его старшая сестра Марина работала в «Меге» и постоянно притаскивала домой списанное или распродажное барахло. Вещей у нее было очень много, и все, что ей по каким-то причинам не подходило, она раздавала подругам или продавала. И Бэзил не без гордости регулярно снабжал меня одеждой. Широкие голубые джинсы с завышенной талией, из которых я не вылезала уже второй год, укороченная красно-серая куртка, спортивный костюм, свитеры, худи, куча футболок, даже разноцветные носочки, шарфики и ремни — в сравнении с Лизой я была богачкой. Вот только обувь Марина не приносила, и я донашивала ботинки, которые она собиралась выбросить из-за трещины на подошве. Меня это не смущало. Ботинки были черные, высокие и жутко стильные. Я себе такие не смогла бы купить.

Привычным маршрутом мы дотопали до шоссе, перешли по подземному переходу на другую сторону и с облегчением нырнули в искусственный, но вечный уют ТЦ: тепло, свет, порядок и приятные ароматы в любое время дня и ночи, в любую погоду, в любой сезон. Если не выглядеть как бомж и иметь в кармане хотя бы пару сотен, в торговом центре вполне можно жить. Там всегда есть еда и где потусить, а для тех, кто знает все магазинчики, офисы, салоны, лестницы, переходы, закоулки и подсобки, даже переночевать — раз плюнуть. А после закрытия торгового

центра перейти в фитнес-клуб и всю ночь плавать в бассейне или скакать на батутах. Вход в клуб был с улицы, но кто-то раздобыл электронный код от дверей со стороны ТЦ, и мы несколько раз спокойно проходили туда, развлекались, а потом сваливали через пожарный выход. Мы с Лизой проводили в ТЦ много времени: сидели за столиками фудкорта или болтались по бутикам, примеряя вещи из новых коллекций и фоткаясь для соцсетей.

Мы поднялись на стеклянном эскалаторе на третий этаж, там находился фудкорт — неизменное место нашего внешкольного времяпрепровождения. Мы имели «свой» столик, «свое» меню, и все работники, включая уборщиц, знали нас как «своих». Людей в зале с утра было немного. Полы блестели, человеческий гомон не заглушал музыку, и царил относительный покой.

С правой стороны от фудкорта над входом в бутик с бижутерией появилась новая вывеска о скидках. Белый тканевый прямоугольник, а на нем разноцветные пляшущие буквы: «Отмечаем юбилей! Скидка на все от 40%».

— Стойте, — сказала я ребятам и остановилась. Мокрые пряди лезли в рот. — Эта штука похожа на нашу растяжку.

Все притормозили, не доходя до столиков, и молча уставились на меня. Бэзил скинул капюшон.

— Какая штука?

Последний год он не заморачивался насчет стрижки и брил голову как призывник. Это придавало его острому, еще немного мальчишескому лицу оттенок пацаньего сиротства и неблагополучия. Что вместе с подвижной мимикой и отрепетированными повадками ауешника складывалось в традиционный образ криминального гопника, каковым по сути он не являлся. Однако Бэзилу нравился любой эпатаж, и то, какое впечатление он производил, его более чем устраивало. И именно по этой же причине он завоевывал расположение гораздо быстрее, чем Фил. Всем нравится иметь в друзьях «опасного» парня. И Бэзил отлично играл на этом.

— Клеенка, в которую завернут труп. Мне показалось, что она похожа на растяжку, которую в прошлом году по-

теряли, — «С днем рождения, школа!». Ту, что на репетиции Липа порвал.

— Не выдумывай, — отмахнулся Фил.

— Я серьезно.

— Хватит уже об этом, — Лиза потянула меня за рукав, — идем!

ГЛАВА 3

Мы с Лизой блондинки. Не натуральные, конечно, хотя мои настоящие волосы довольно светлые, а вот у Лизы совсем темные, почти черные, потому что папа у нее армянин. И до того как ее родители развелись, у Лизы была армянская фамилия.

Впервые мы перекрасились в восьмом. Посреди года к нам перевелась новенькая девочка. Тихая, скромная, совсем белая, с белесыми ресницами и бровями. Она всего боялась и ходила по стеночке. Мы ее не трогали. По правде говоря, даже внимания особо не обращали. И вот как-то на алгебре эту девочку вызвали к доске и попросили разобрать домашнюю задачу. Девочка встала, глазами хлопает, мел в руки взять боится. Ну, математичка и начала ее пресовать: «Чего стоим? Почему спим? Разговаривать умеем? А писать? Домашнюю работу делала? На прошлом уроке была? Ты вообще слышишь, что я с тобой разговариваю?» Однако девочка, опустив взгляд, лишь жалко улыбалась и пожимала плечами.

— Садись на место, — терпение математички закончилось, — блондинка, она и есть блондинка. Откуда там мозгам взяться?

Восьмой класс — самый пик моей бунтарской активности. Достаточно было малюсенькой искры.

— И что с того, что она блондинка? — выкрикнула я с места. — Вы седая, значит, у вас старческий маразм?

Тогда я была очень сложным и конфликтным подростком. Знала, что я плохая, и чувствовала себя такой. А плохим детям полагается вести себя зло и агрессивно.

Математичка закрывала глаза на мои «выступления», потому что в то время я знала математику лучше всех в классе. Она просто вызвала меня к доске расписывать задачу. И я, конечно же, без труда это сделала.

А на следующий день мы с Лизой, не сговариваясь, пришли в школу с бело-желтыми головами. Краска легла не очень хорошо, особенно на Лизины волосы, однако акцию протеста можно было считать состоявшейся.

— Докажите теперь, что мы тупые, — гордо заявила я математичке.

И с тех пор мы с Лизой красились исключительно «скандинавским блондом», символизирующим нашу дружескую солидарность и глубокую убежденность в том, что о человеке нельзя судить по внешности.

Мы взяли по большому стакану капучино и ведро с крылышками на четверых. Развесили мокрые куртки на спинках стульев, а сами развалились на коричневых диванах.

— Нет, серьезно. — Я выждала, пока ребята немного поедят. — А что, если это та самая потерянная растяжка? Тогда получается, что все случилось под нашим носом. Может, нужно рассказать об этом полиции?

Бэзил громко поперхнулся кофе:

— Микки, ты совсем? Хочешь, чтобы нас всех кругло-суточно таскали на допросы, а потом обвинили в этом убийстве?

— С чего нас обвинят, если мы ни при чем?

— А то я не знаю, как это бывает. Им вообще пофиг, кто виноват, главное, чтобы было на кого повесить.

В том, что касалось полиции и вообще любых вопросов, связанных с законом, Бэзил считался среди нас бесспорным авторитетом. Его дядька Антон по малолетству отсидел пять лет в колонии, и, хотя дальнейшая его судьба сложилась благополучно, он, не переставая, делился с Бэзилем печальным жизненным опытом.

— Делать тебе больше нечего! — Фил жадно налегал на крылышки. — Просто труп, просто клеенка, а ты уже придумала детектив.

— Между прочим, мой дед был следаком, и у меня это в крови.

Бэзил громко расхохотался:

— У тебя в крови устраивать кипиш из ничего.

— Это не кипиш, а любопытство. Напиши Липе, — попросила я Лизу, — пусть ходит и точно все разузнает. Труп, может, и не покажут, но растяжку-то можно посмотреть.

— Смеешься? — Фил скривился. — Нас взашей погна-ли, а Липа типа разузнает.

— Ради меня Липа сделает что угодно, — похвасталась Лиза.

— Вот и напиши, — поддержала я.

— Придет время, все само выяснится, — проворчал Бэзил.

Но Лиза уже быстро что-то написала и отправила.

Сеня Липатов был тихим прилежным парнишкой, послушным и немного робким. Мы над ним посмеивались и нечасто звали куда-то. Но Лизу он любил беззаветно и выполнял все ее прихоти. В основном, конечно, это касалось домашки, но иногда Сеня решался и на героические поступки вроде того, чтобы отмазать ее перед мамой, сказав, что от нее пахнет не пивом, а его домашним квасом, или прикрыть, когда она сбегала с уроков; несколько раз он подделывал для нее медицинскую справку и таскал у отца сигареты.

— Липа тогда растяжку и стырил, — пробурчал Фил.

В том, что он недолго любит Липатова, нет ничего удивительного, потому что сам Фил особой преданностью Лизе похвастаться не мог и каждый раз был вынужден оправдываться, почему Сеня нашел время ее проводить, позвонить, написать, а он нет.

— Липа ушел раньше нас, — сказала я, — забыл?

— Я с того вечера вообще почти все забыл, — с глупой улыбочкой признался Фил.

Лиза метнула в него гневный взгляд, а Бэзил понимающе хмыкнул. В тот день они оба завалились на репетицию пьяные.

Порванную растяжку с надписью «С днем рождения, любимая школа!» зачихнули в тайник за цветочными горшками возле столовой во время последней репетиции школьного концерта. В тот вечер произошло немало неприятного, и ее убрали, чтобы не светить, когда директриса придет ругаться. Но на следующее утро растяжки в тайнике уже не было.

Лизин телефон громко возвестил о пришедшем сообщении. Подхватив ее под локоть, я заглянула в экран. Липа ответил: «Видел только растяжку. Точно наша, хотя буквы сильно стерлись. Труп уже погрузили в труповозку. Но поварахи и Ольга Олеговна сказали, что это Надя. Они ее по сережкам опознали и кулону. Ты сегодня после школы что делаешь?»

Надя. Надежда Эдуардовна. Тот самый ночной кошмар на протяжении последних пяти месяцев. Распахнутое окно, разбитое зеркало, кровь на футболке. Угрозы, страх, чувство вины, ненависть к ней и к самой себе — все это была Надя. Женщина взрослая, гордая и ревнивая — как описала ее гадалка Гуля. Она так часто приходила ко мне во снах, а оказывается, все это время была мертва и гнила в этом жутком колодце.

— Ну? — нетерпеливо поторопил Лизу Бэзил.

— Жесть, — я все еще переваривала новость, — Липа пишет, что это Надя. Та, убитая женщина — Надя.

— Кто такая Надя? — Развалившись на стуле, Фил закинул ноги в грязных кроссовках на соседний.

— Надежда Эдуардовна, — с нажимом пояснила я, — физручка наша бывшая.

— Рано или поздно ее точно кто-нибудь да прибил, — сказал Бэзил после общего ошарашенного молчания.

— Вася, — Лиза посмотрела на него осуждающе, — так нехорошо говорить.

— Микки, дай платок! — Бэзил протянул руку. — Сейчас разрыдаюсь.

Бэзил терпеть не мог Надю. Большинство ее уроков он прогуливал, а когда появлялся для сдачи нормативов, либо

цеплял ее насмешками и грубостями, либо откровенно хамил. Бэзил никогда паинькой не был, но если и конфликтовал с кем-то из учителей, то больше ради показухи, понтов и репутации главного говнюка школы. Надю же он невзлюбил по-настоящему. И сколько мы с Лизой ни выпытывали у него причину, объяснять не хотел.

Лиза предполагала, что это из-за того, что, когда Надя только пришла к нам, Бэзил пытался флиртовать с ней — наигранно, задиристо, при всем классе, но то была его обычная манера поведения — пошлить, смущать, провоцировать. Так он вел себя почти со всеми учителями. Надя же восприняла его подростковую дурь довольно своеобразно: вместо того чтобы пригрозить плохими оценками или отрицательной характеристикой в его футбольный клуб, как это делало большинство учителей, она принялась насмеяться над ним, называя то ребенком, то малышом, то пупсиком, что заводило Бэзила еще больше.

— Ну, Надя и Надя. — Фил равнодушно пожал плечами. — Я тоже как-то не особо расстраиваюсь.

Надю и я не любила, однако поражало другое: после той злосчастной репетиции, где физручка психанула, как гормонально неуравновешенная школьница, в школе она больше не появлялась.

— Надю с того вечера никто не видел, — сказала я, ощущая неприятный внутренний холодок.

— Понятное дело не видел, раз она уволилась. — Бэзил укоризненно покачал головой.

— Ужас, конечно, — с чувством выдохнула Лиза, хватая меня за руку.

Я повернулась к ней:

— Тебе не кажется странным, что пропавшая растяжка и внезапно исчезнувшая Надя вдруг обнаруживаются в одном и том же месте спустя пять месяцев?

— Да, наверное. И что, по-твоему, это значит?

— Только подумай, какова вероятность повстречать маньяка в двухстах метрах от школы? Да еще такого, ко-

торый смог с ней справиться. Это же Надя. Вы забыли? Она Филя тогда на раз скрутила.

— Ой, вот не надо. — Фил возмущенно выпрямился. — Понятное дело, я поддался. Что же я, с женщинами драться буду?

— Повстречать маньяка на двухстах метрах почти нереально, — неожиданно серьезно сказал Бэзил, — но вот того, кто долго следил за ней, караулил и заранее знал, с кем имеет дело, запросто.

— Может, и так, но как он взял растяжку?

— Вот заноза-то, — выругался Бэзил. — Ну, допустим, я выкинул эту дурацкую растяжку на помойку за школой, а он ее оттуда взял.

— Правда? — От удивления я на секунду забыла, что разговариваю с Бэзилем.

— Нет! — Он довольно заулыбался. — Но все равно, это самое предсказуемое развитие событий, без учета прочих неизвестных.

— Если никто из нас четверых растяжку не забирал, — сказала я, — то остаются двое: Липа и Томаш. Кто-то из них должен был вынести ее на улицу.

— Зашибись, — наигранно хохотнул Фил, — я знаю, что вы сделали прошлым летом... Мне нравится расклад.

— Может, сама Надя и взяла, — продолжал упорствовать Бэзил.

— Откуда ей было знать, что мы ее спрятали? Она и в зал-то не возвращалась.

— Я могу поговорить с Липой, — предложила Лиза.

— Ага, и он сразу такой: «Да, Лизочка, конечно, это я спер растяжку, и Надю уколошил тоже я, потому что она называла меня дрыщом, рахитом и заморышем», — подражая сюсюкающей манере Липатова, передразнил Фил.

— А кто поговорит с Томашем? — осторожно спросила я.

Бэзил наигранно ослабил:

— Конечно, ты. Признайся, ты спецом весь этот напруг замутила, чтобы появился повод с ним пококотничать.

— Может, ты? — я перевела взгляд на Филя.

— Не, — тот опустил глаза, — это у тебя дедова кровь, вот и допрашивай сама.

Лизу просить смысла не имело, Томаша она тоже не жаловала.

— Как бы там ни было, если вдруг полиция докопается до растяжки, узнает о ее пропаже и все такое, ведь на ней написано про школу, то чтобы не вздумали ничего трепать. Ясно? — Бэзил погрозил нам с Лизой пальцем. — Если вдруг выяснится, что мы имеем к этому какое-то отношение, то кранты. Нормальной жизни больше не будет.

С этим согласились все, даже я. Лиза пообещала предупредить Липу, а разговоры с Томашем повесили на меня. Сколько бы я ни наступала на грабли под названием «инициатива наказуема», пройти мимо них не получалось никак.

Мы жили в двушке в старой пятиэтажке: Кощей в дальней изолированной комнате, я в большой проходной. Раньше, пока Яга была жива, дальняя комната была ее, проходная Кощеева, а я спала на кухне. Но потом Яги не стало. Мы убрали ее вещи и все поменяли. Кощей, разумеется, не хотел. Однако услышав, что я хочу занять дальнюю комнату, встрепенулся и поспешил застолбить это место себе.

Я же, устав просыпаться посреди ночи от жутких звуков холодильника, отбиваться от тараканов и дышать запахом подгоревшего масла, была согласна на любой угол, где босые ноги можно опустить на коврик, а не на ледяную каменную плитку.

Теперь у меня были свой раскладной диван и низенький стол-этажерка на колесиках, на который удобно ставить чашку и класть ноги, сидя с ноутбуком на коленках, а на полке под столешницей хранить немногочисленные учебники и тетради.

Дома было холодно, и вот уже три недели никто не убирал. Я мыла за собой чашку, тарелку и закидывала в машинку свое белье, но, кроме этого, ничего не делала. Кощей даже не стирал, и его грязные вещи копились в корзине, но еще больше было разбросано по квартире.

Мы находились в положении затянувшегося противостояния — кто первый не выдержит и сделает уборку. Но разговаривать разговаривали и иногда вместе ужинали.

— Представляешь, у нас в школе труп нашли. — Я вошла к нему в комнату.

Кощей, как обычно, сидел в кресле перед включенным телевизором. На коленях у него стояла кастрюля с гречкой, и он ел прямо из нее большой ложкой. Рядом на стуле остывала чашка с чаем. Пар из нее тонкой струйкой тянулся вверх.

Услышав про труп, дед удивленно приподнял густые седые брови и замер.

— Как так? Прямо в школе?

— Рядом. Возле соседнего дома. — Я опустилась на его кровать.

По телевизору показывали, как полицейские ловят карманника в метро.

— Ты кашу-то хоть погрел?

— Мне и так нормально. — Он отставил кастрюльку. — Ну и чего труп?

— Это наша бывшая физручка Надя. Прикинь, она там почти полгода пролежала.

— Где там?

— В колодце канализационном. Сантехник полез и нашел ее.

— И чего?

— Откуда мне знать? Полицейские нас близко не пустили.

Кощей одобрительно покивал и, снова взявшись за кастрюльку, стал задумчиво есть.

— Похоже, ты не особо расстроена.

— Скорее озадачена.

— Лучше бы была напугана.

— Почему это?

— Может, мозгами бы своими куриными думала, когда по ночам шляешься.

Кощей действительно был очень худым, костлявым и высоким и, сколько бы ни ел, никогда не поправлялся. У него

был длинный прямой нос с горбинкой на переносице и яркие васильковые глаза. Мне досталась только горбинка.

— Не начинай, пожалуйста.

— Тебе кашу оставить?

— Нет. Мы с ребятами в кафе поели.

— На какие это интересно шиши?

— Вместо завтраков.

— Больше никуда сегодня не собираешься?

— Успокойся, дома буду.

— Тогда иди и дверь за собой закрой. Полсерии из-за тебя пропустил.

Я устроилась на диване, закинув ноги на спинку. Воспоминания о Наде и обо всем, что с ней связано, неотступно преследовали меня. Надя мне не нравилась по многим причинам, но не признавать, что она красивая, я не могла. Просто красота ее была слишком броской и, пожалуй, агрессивной.

Даже не из-за идеальной спортивной фигуры, которую она подчеркивала всеми допустимыми в школе способами, и не из-за гладкого утонченного лица с аккуратным прямым носом. Дело было в ее глазах. Ярких голубых глазах, которые я так силилась разглядеть во сне, но никак не могла. В них скрывалось нечто такое, что будто хватало тебя за горло и, пока она смотрела, не отпускало. Нечто требовательное и властное. Настойчивое и проникновенное. Эти глаза так сильно контрастировали с мягкостью ее голоса, улыбки и манер, что трудно было поверить, что все это способно существовать в одном человеке.

В Наде определенно таилась какая-то загадка, и именно она придавала ей особую, неповторимую красоту.

Наде было около двадцати пяти, но, когда она впервые появилась у нас на уроке, все решили, что это новенькая девчонка-ученица. И парни, конечно же, попытались к ней подкатить, однако, когда она строго велела им выстроиться по росту, чтобы оценить их достоинства, стало ясно, что к чему. Впрочем, Надя всегда довольно благосклонно откликалась на любые заигрывания, что, разумеется, раздра-

жало девчонок, и меня в том числе. Бэзил с Липой — единственные из парней — не переносили Надю на дух.

Липа, потому что она его постоянно при всех унижала, а Бэзил по каким-то мутным, одному ему известным причинам.

Идея с танцем принадлежала Лизе, а мы с Филом просто согласились ее поддержать.

Лиза несколько лет ходила на танцы и обожала их. А вот ее мама считала, что, вместо того чтобы готовиться к ЕГЭ, она тратит время на ерунду, и не хотела оплачивать занятия. На выступления дочери в клуб она ни разу не пришла, и Лиза очень рассчитывала затащить ее на школьный концерт, на котором она выступит круто.

Предполагалось, что танцевать Лиза будет с Филом, а я с Бэзилом, но, узнав, что репетиции проводит Надя, Бэзил отказался наотрез. Фил заупрямился — не хотел в одиночку выглядеть дураком, и, несмотря на Лизины мольбы, выступление оказалось под угрозой. Чтобы ее как-то утешить, я согласилась танцевать с Липой. Однако тот был не в состоянии выполнить даже самую простую поддержку, и после одной бестолковой, но жутко смешной репетиции с ним физручка неожиданно привела мне в пару Томаша.

Поначалу я думала, что умру от смущения и неловкости, но вскоре эта вынужденная близость превратилась для меня в необходимость. Я ждала эти репетиции, как не ждала их Лиза, совершенно отчетливо чувствуя, что Томаш тоже им рад. И пока я не застучала его целующимся с Надей в торговом центре, мне казалось, что между нами происходит нечто особенное.

В последний день перед школьным концертом Фил не просто притащился на репетицию пьяным, но и зачем-то привел с собой Бэзила.

Как только тот появился в дверях актового зала, где мы репетировали, я поняла, что вечер закончится плохо. С ног они, конечно, не валились и разговаривали вполне связно, но вели себя отвратительно: кривлялись и над всем ржали. Надя несколько раз попросила Бэзила уйти, но он толь-

ко запальчиво отвечал: «Ко мне или к вам?» и еще что-то в этом роде. А когда она прекращала препираться с ним и отворачивалась, Бэзил подкрадывался сзади: то руку на плечо положит, то по волосам погладит, то по спине. Надя вздрагивала, замахивалась, Бэзил отскакивал, и они с Филом истерически хохотали.

Фил отрывался по-своему. В тот момент, когда они с Томашем подхватывали нас с Лизой и кружили, он то и дело подстраивал так, чтобы мы с ней столкнулись ногами.

Лиза ругалась, я тоже, но Филу и трезвому сложно что-то объяснить, а уж нетрезвому и подавно. Все шло к тому, что нам придется разойтись по домам. После одного из таких столкновений Лиза не выдержала и со злостью отпихнула Фила, тот отпрянул и снес Липу, который, забравшись на водруженный на парту стул, закреплял на заднике кулисы растяжку с надписью «С днем рождения, школа!». Падая, Липа ухватился за растяжку и на несколько секунд повис на ней. Потом клеенка треснула, растяжка оборвалась, и он свалился Филу под ноги. Надя принялась кричать, что Липа недоделанный, беспомощный и кривой. Я вступилась за него. Тогда внезапно с еще большей злостью она накинулась на меня. Высказала, что я невоспитанная, наглая и развратная малолетка, что у меня кривые ноги, длинный нос и плоская задница.

Прежде чем я очнулась от удивления, Бэзил выдал тираду, в которой из приличных слов были только местоимения. Надя пригрозила, что пойдет к директору (та как раз еще была в школе), и Фил недвусмысленно обозначил: если она на них настучит, то пожалеет. Надя рассчитывала на поддержку Томаша, но он просто сидел, свесив ноги, на краю сцены и, не обращая внимания на происходящее, переписывался с кем-то по телефону. Наде даже пришлось его окликнуть: «Слава! Ты не хочешь ничего сказать?» Томаш поднял голову, мельком оценил обстановку и равнодушно ответил: «Нет». В ярости Надя вылетела из зала и больше не вернулась.

Все, что происходило до сцены, повторяющейся в моем сне, я помнила отлично, однако случившееся после вспо-

миналось неясно и с трудом. Мне теперь было сложно отличить реальное от множественных интерпретаций сна.

Когда взбешенная Надя выбежала, Лиза начала кричать на Фила, потом на Бэзила, и парни тут же отправились курить. Лиза расплакалась. Липа принялся извиняться и утешать ее. Вернувшись, Фил с Бэзилем стали ржать над Липой, вспоминая, как он висел на растяжке, как падал, какое у него было лицо в это время. Липа обиделся и ушел. Я сказала Бэзилу, что он козел, а Лиза забрала Фила для разговора наедине. Они вышли. В этот момент у Томаша зазвонил телефон, он спрыгнул со сцены и тоже вышел из зала. Оставаться наедине с идиотничающим Бэзилем не было никакого желания, и я пошла вниз. В коридорах школы стояла тишина. Из директорского кабинета не доносилось ни звука.

Только дверь в учительский туалет, который обычно заперт на ключ, была немного приоткрыта, оттуда сильно тянуло холодом.

Я заглянула туда. Надя стояла ко мне спиной возле открытого окна. Я вошла, и она резко развернулась. Молния на ее белой олимпийке была расстегнута, как если бы ей вдруг стало жарко. Рукава собраны до локтя. Волосы, прежде поднятые в хвост, растрепались. В пронизывающем голубом взгляде бушевала ненависть.

— Ты что думаешь, маленькая гадина, ты мне хоть что-то сможешь сделать? — зашипела она, медленно приближаясь. — Ты меня не знаешь. Ты меня совсем не знаешь! Тебе не стоило в это лезть!

Я мужественно удержалась, чтобы не выскочить в ту же секунду за дверь.

— Что-то случилось, Надежда Эдуардовна?

Надя в одно мгновение оказалась передо мной и замахнулась. От неожиданности я зажмурилась, а открыла глаза, услышав глухой удар. Кулак физручки впечатался в зеркало позади меня, и гладкая поверхность тут же покрылась сеткой трещин.

Я никогда не считала себя робкой или нерешительной, чтобы запугать меня, нужно еще здорово постараться, од-

нако в тот момент абсурдность происходящего парализовала.

Надя вытерла выступившую на костяшках пальцев кровь о мою светлую футболку, затем так близко наклонилась ко мне, что я почувствовала на щеке ее дыхание.

— Это ты во всем виновата, тупая малолетняя шлюшка. Ты сама. Помни об этом всегда!

К счастью, в коридоре послышались голоса, и, резко распахнув дверь, она выскочила из туалета.

Мне представлялось, что все именно так и было, но теперь, когда стало известно о Надиной смерти, такой страшной и необъяснимой, ее обвинения в мой адрес стали звучать еще тревожнее.

«Что ты думаешь насчет сна про Надю?» — написала я Лизе, чувствуя, что больше не могу прокручивать все эти воспоминания.

«Не сомневалась, что ты запаришься», — ответила она.

«Но согласишься, это странно. Сначала она постоянно снится, а потом оказывается мертвой».

«Это совпадение. Надя на всех тогда кидалась. Может, на улице сорвалась на случайного прохожего, а он оказался ненормальным, разозлился и прибил».

«Не помнишь точно, что та гадалка с рынка говорила?»

«Что ты должна ее отпустить, а она отпустит тебя».

«А вдруг Надя пытается мне что-то сказать?»

«Например?»

«Например, кто ее на самом деле убил».

«И поэтому обвиняет тебя? Микки, в это сложно поверить. Не рассказывай лучше про это никому. И вообще не упоминай! Все, что с нами происходит, живет в наших головах».

ГЛАВА 4

Несколько дней мы старательно обходили любые разговоры о Наде. Тогда как все остальные в школе обсуждали только ее. Это были самые страшные фантазии, на какие

способны лишь дети. От кровавых подробностей расчлененки и свирепствующего маньяка до мистической жути о бродящем по ночным коридорам призраке в спортивном костюме и со свистком на груди. Надю убили весной. Вот уже пять месяцев, как она покоилась почти под окнами школы, но страшно всем стало сейчас.

Директриса позвонила на перемене после четвертого урока:

— Машенька, милая, что у тебя?

— Биология.

— Не могла бы ты забежать ко мне домой?

Время от времени Тамара Андреевна поручала мне что-нибудь сделать. Чаще всего, особенно если она болела, принести из школы бумаги на подпись или, наоборот, забрать их и отнести в школу. Иногда могла отправить в аптеку, на почту или в магазин, а в последний раз, в начале сентября, попросила научить ее пользоваться «Телеграмом». Я познакомилась с Тамарой Андреевной, когда она еще не работала в нашей школе, а преподавала математику в соседней, там же, где раньше работала моя Яга, и они дружили.

Тамара Андреевна часто приходила к нам домой на дни рождения и почти на каждый Новый год. Из всей семьи у нее был только чудаковатый двадцатилетний сын Женечка. Пару лет Тамара Андреевна добросовестно и совершенно бесплатно занималась со мной математикой. И до прошлой зимы, когда меня чуть не выперли из школы, у нас были хорошие, доверительные отношения.

На улице моросил мелкий дождик и стоял туман. В такую промозглую погоду, чтобы не продрогнуть, перемещаться нужно было только бегом.

— Какая умница, так быстро! Проходи скорее! Я как раз чайник поставила.

Директриса встретила меня в велюровом домашнем халате с розовыми цветками сакуры на темно-бордовом фоне. Ей было немного за пятьдесят, всегда с аккуратным укороченным каре цвета шоколада и идеально выщипанными бровями.

— А Женечка где? — Я посмотрела в глубь коридора. Обычно он выходил меня встречать.

— На службе своей, конечно. Ты ведь знаешь, какой он обязательный. Все по часам. Я только в душ, а он и умчался. Нужно мешки с листьями вывозить, вот и торопился, чтобы к приезду машины успеть.

— Давно его не видела.

Директриса сокрушенно покачала головой:

— Он очень расстроен из-за случившегося.

Женечка был аутистом и работал дворником еще в той школе, где Тамара преподавала математику: став директором у нас, она перетащила его за собой. Дети, конечно, над ним немного посмеивались, но в целом любили, а Женечка любил детей.

Он приходил в школу с самого утра и уходил вместе с мамой. Носил ей сумки и всегда помогал. А еще Женечка боялся лифтов и считал ступеньки на лестнице, перешагивая через каждую тринадцатую. Его пугали слова «дезинфекция», «гангрена» и «какофония». Он знал, что никогда не станет взрослым, верил в дестрой и свое предназначение.

Проводив меня на кухню, Тамара Андреевна достала из шкафчика кружки:

— Чай или кофе?

— Можно чай с лимоном?

На плите в большой кастрюле, судя по запаху, варилась свекла.

— Так холодно. Мерзну постоянно, — пожаловалась она, ставя на стол заварочный чайник.

Я уже и забыла, что чай получается не только из пакетиков. Заварка пахла сладостью и теплом. Тамара Андреевна кинула в нее дольку лимона и добавила кипятка.

— Никогда не думала, что доведется столкнуться с подобным, — произнесла директриса после некоторого молчания. — Одно дело читать хроники происшествий, другое — когда такое случается со знакомым человеком.

— Может, это несчастный случай? Надежда Эдуардовна пошла покурить и в темноте случайно провалилась

в открытый колодец. А потом кто-нибудь просто задвинул крышку люка, — попыталась отшутиться я в духе Филя, но разрядить обстановку не получилось.

Тамара Андреевна сцепила пальцы в замок и положила руки на стол.

— Ума не приложу, как это вышло. Надежда заявила на вас жаловаться. Мне не стоило на нее кричать. Я ведь думала, она обиделась и поэтому так себя повела — из гордости. Ушла, даже дверью хлопнула.

Тамара резко замолчала, в ожидании глядя на меня. Сомнений не было, она тоже считала, что Надю убили именно в тот вечер.

— Вы рассказали об этом полиции?

— Нет, что ты! Они не спрашивали, да и, по правде говоря, мне не хочется приплетать школу. Ты же понимаешь? И так всякое безобразие уже в интернет выложили. Родители звонят, беспокоятся. Счастье, что ее нашли за нашей территорией.

Безобразием директриса назвала глупые фейковые ролики про маньяка, которые сделали по приколу десятиклассники. Кто-то из них жил в белой высотке и смог снять с балкона, как Надю доставали из колодца. Видно было плохо — этаж восьмой-девятый, но необычное зрелище и зловещая музыка сделали свое дело, набрав кучу просмотров и комментариев.

— Нужно было сообщить об исчезновении... — с тяжелым вздохом произнесла она. — Только мне и в голову подобное прийти не могло.

— Такое никому в голову не пришло бы, — согласилась я. — А из-за чего вы Надежду Эдуардовну ругали?

— Теперь это в прошлом. О покойниках дурно не говорят. — Тамара Андреевна сунула руку в карман халата и положила на стол ключ. — Завтра похороны. Нашей школе пришлось взять на себя все расходы. Надежда была одинокой девушкой, и родни у нее не осталось. Я очень тебя прошу, сходите с Лизой к ней на квартиру, приберитесь. Там на днях полицейские побывали. Полный бедлам

остался. Я договорилась с Динарой, но сегодня утром она позвонила и отказалась, а похороны уже завтра. Прости, это очень деликатная просьба, и, если тебе неприятно или у вас с Лизой планы... я все пойму.

— Мне несложно. — Я быстро взяла ключ со стола и вскочила. — Мы прямо сейчас пойдем. Лизе можно уйти с уроков?

— Да-да, конечно. — Тамара Андреевна тоже поднялась. — Только, пожалуйста, нигде больше не зависайте и не светитесь особо. Сейчас дам адрес. И не забудь потом ключ Ольге Олеговне в школу занести.

Надин дом находился в соседнем квартале. Около пятнадцати минут пешком. В хорошую погоду — приятная прогулка, но, когда ветер срывает капюшон, хлещет дождь и приходится бежать, — сплошное мучение.

От холода руки тряслись, и я никак не могла попасть ключом в замочную скважину. Лиза не выдержала, отобрала ключ и открыла дверь. В лицо пахло спертым воздухом и пылью, холодом и пустотой. Я включила свет. Однако ощущение тусклого мрака не исчезло. Мы в нерешительности застыли в прихожей: весь пол покрыт высохшими грязными следами. Они были повсюду, и мы, повесив мокрые куртки на крючки, тоже решили не разуваться.

К счастью, на кухне оказалось довольно чисто, только пожелтевшая чашка в раковине. На покрытой серо-желтой пылью поверхности кухонного стола остался отпечаток от чего-то прямоугольного, что до недавнего времени лежало здесь, а теперь отсутствовало. По всей вероятности там находился ноут, который забрала полиция. А вот из холодильника воняло невообразимо. Лиза открыла его и сразу в ужасе захлопнула. Бодрым шагом я направилась в единственную комнату. Белье на широкой двуспальной кровати было не застелено. Дверцы шкафа распахнуты. Несколько вещей, упав с вешалок, валялись внизу, из незадвинутых ящиков комод торчало белье. Запах в комнате стоял отвратительный.

Отчего-то мне казалось, что, как только я попаду сюда, все каким-то волшебным образом немедленно разъяснит-

ся. Но полиция, похоже, унесла все самое интересное, оставив нам только шмотки.

— Разделим комнату пополам. — Я огляделась. — От окна до шкафа твое, остальное мое.

— Интересно, здесь есть перчатки? — Лиза безразлично потерла пальцем стену. — А еще нам нужны тряпки, тазы и пылесос.

Перчаток не нашлось, а тряпки и моющие средства мы отыскали в стенном шкафу в туалете, как и освежитель воздуха, который я тут же от души распылила повсюду. Пришлось, несмотря на холод, открыть окно. В нос ударил густой сладкий аромат, но легче дышать не стало.

Вспомнились отчего-то похороны Яги. Морг. Прощание. Я смотрела на ее восковое лицо и совершенно ничего не чувствовала. Вроде бы стоило расплакаться, но не получалось. Все вокруг рыдали, а я стояла столбом и молила лишь о том, чтобы все поскорее закончилось. Яга ушла из жизни внезапно в конце апреля. Сказала, что поедет в ЕРИЦ, чтобы сделать перерасчет, но не вернулась — ее сбила машина прямо на пешеходном переходе, там, где нет светофора. Один водитель затормозил, а следующий в соседнем ряду не заметил и не остановился. Его так и не нашли. На переходе не было камер, а номер свидетели не запомнили.

В шкафу порядка не было и при жизни Нади. На плечиках вещи висели одна на другой: блузки, пиджаки, рубашки и халаты. Сдвинув пару вешалок, я заметила бейдж, болтающийся на длинном зеленом шнурке поверх одной из олимпийек. В верхнем уголке бейджа в полукруге в виде листика жизнерадостными желто-зелеными буквами было выбито слово «Пуговицы».

— Надежда Сорокина. Тренер, — вслух прочитала я. — Пуговицы.

— Она до нас там работала, — откликнулась Лиза, — Фил что-то такое говорил.

— А что это?

— Дом престарелых вроде.

— Странное название.

— Угу, поэтому я и запомнила.

Я немного постояла, машинально крутя бейдж в руках, но думая совсем о другом.

— Я почти уверена, что это как-то связано с нами, с тем вечером. Что-то было не так, что-то случилось. Надя разбила зеркало, у нее был срыв, истерика.

— Ну, так Бэзил ее довел, Томаш тискал тебя, и с директрисой поругалась. Ничего удивительного.

— Нет, что-то еще. Она так разозлилась. Я думала, убьет меня прямо в туалете.

— Ну, может, у нее ПМС был? Я в такие дни тоже готова прибить всех на свете. И довести меня раз плюнуть. Могу психануть даже из-за зацепки на колготках.

— Ты честно ничего не знаешь? — Я внимательно наблюдала за подругой. — Кто запер меня в актовом зале?

— Я тебе тысячу раз говорила, что мы с Филом только открыли зал. Ключ торчал в двери. Почему ты мне не веришь?

— Верю, конечно, но, может, ты что-то вспомнила?

— Ничего я не вспомнила! — Лиза надулась.

— Ну, сама-то ты что об этом думаешь?

— Мое мнение тебе не понравится.

— Подозреваешь меня? — Я состроила злодейскую гримасу.

Лиза рассмеялась.

— Ты с ней не справишься бы. У нее мышцы о-го-го были. — Лиза кинула тряпку на комод и села на край кровати. Когда она смотрела так задумчиво и печально, ее лицо было особенно прекрасным. Я под села к ней на кровать.

— В принципе ее могли убить на улице неподалеку. Взять растяжку, завернуть и сунуть в люк. Это самая удобная версия, потому что представить, что ее убили в школе, а уже потом вытащили на улицу, сложно. Для этого необходимо дожидаться, пока мы уйдем. Но если предположить, что такое возможно...

— Микки, прекрати! — Лиза шлепнула меня по коленке и вскочила. — Я уже сказала, что ничего не знаю.

И без того тусклый день за окном размазывался, смешиваясь с дождливой серостью. Отступал. Казалось, в три часа уже вечерело. Пришлось зажечь свет. В Лизином мобильнике нежно мурлыкала музыка. Комната наконец проветрилась, но стало очень холодно. Вытащив из шкафа темно-синюю олимпийку, я надела ее, чтобы согреться, машинально сунула руку в карман и наткнулась на небольшой пластмассовый предмет, который оказался черной флешкой. Увидев ее на моей ладони, Лиза удивленно замерла на секунду, затем протянула руку — забрать. Но я шутливо сжала кулак.

— Лучше ее выбросить, — поспешно сказала она.

— А вдруг там что-то важное?

— Не думаю! — Лиза вдруг засуетилась и, не закончив протирать стол, принялась выдвигать ящики комода. — Интересно, у Нади сигарет не завалилось?

Убедившись, что сигарет нет, она начала заправлять кровать.

Очень странная, совсем не свойственная Лизе дерганность насторожила.

— Эй, — окликнула я, — ты знаешь, что там?

Не поднимая головы, она неопределенно пожала плечами.

— Посмотри на меня, пожалуйста! Ты знаешь, что там?

— Возможно.

— Тогда, может, расскажешь!

— Очень хорошо, что это не попало в полицию.

— Хотелось бы более внятных объяснений.

— Ладно! — Лиза медленно выпрямилась. — Только пообещай, что не будешь ругать меня или обижаться.

Выражение ее лица стало вдруг таким виноватым, что в ту же секунду я поняла, что именно записано на этой флешке.

— Ты все-таки сделала это?!

— Мне были очень нужны деньги. Извини.

— Извини? Да это ужасно, Лиза! — Я потрясенно выдохнула. — Во всех отношениях ужасно.

— Я знаю, — едва слышно проговорила она. Ее огромные карие глаза заблестели. — Но то, что флешка не в полиции, просто чудо.

— Это же моя личная записка. И я просила тебя никому не показывать! — Я была готова расплакаться.

— А я не показывала, просто положила ей в сумочку.

— Как ты могла?! Это так подло.

— Она все равно ее проигнорировала, как будто и не видела. Я даже подумала, что флешка у нее до сих пор в сумочке валяется.

В электрическом свете Лизина сумрачная тень на стене выросла до огромных размеров. Я попробовала успокоиться, убеждая себя, что в ее поступке нет ничего страшного, что люди так делают, что я привыкла и что было чересчур наивно не ожидать подобного. Но я не ожидала.

В детстве папа в игре все время меня подначивал: «Давай, бей в живот! Смотри, какой у меня пресс». Ну, я и лупила что было сил. Он смеялся, и я тоже. А потом как-то раз на кухне перегорела лампочка, и он стал ее менять. Поднял руки вверх, потянулся, футболка на животе задралась, и я по привычке от души ударила его прямиком в «пресс». Лампочка разбилась, а он дулся на меня полдня, пока мама ему поучительно не сказала: «Никогда не расслабляйся». Но с Лизой я расслабилась.

— Значит, у тебя теперь есть мотив, — зло сказала я, лишь бы не заикливаться на ее поступке, не думать о нем и не убиваться в очередной раз по поводу того, что все люди предатели.

Лиза немедленно вспыхнула:

— С ума сошла?! Какой мотив? Мне тупо нужны были деньги, а не ее расплата за совращение малолетних. Я все равно никуда с этим не пошла бы. Ну, Микки, ты меня, что ли, не знаешь?

— Думала, что знаю, но такой подлости не ожидала.

— Не преувеличивай! Ты тоже от меня постоянно что-то скрываешь. Я же вижу. Совсем помешалась на своем Томаше. Откуда нам знать, что и как у них было? Может, она рассказала ему про запись, а он решил обезопасить себя?

— Эта запись угрожала только Наде, а теперь, наоборот, делает его первым подозреваемым, после тебя, конечно. Узнай о ней в полиции, к нему сразу придут с распросами.

— Не сомневалась, что ты станешь его защищать.

— Все, иди домой, я сама тут закончу.

— Но, Микки, умоляю, давай не будем ссориться из-за какого-то дурацкого Томаша.

— Ты прекрасно знаешь, что не из-за Томаша, а из-за твоего отвратительного, подлого, предательского поступка. Уходи, пожалуйста!

Я дождалась, пока дверь за ней захлопнулась, и обессиленно рухнула на кровать.

Лиза сразу предложила шантажировать физручку, как только узнала об этой записи, но я была против. Если бы я что-то от Нади хотела, то просто пришла к ней и прямо выложила как есть: что все знаю, видела и имею доказательства. А подстраивать гадость только оттого, что Томаш выбрал ее, а не меня, было унижительно.

Это произошло на майские, почти перед той последней репетицией. Все мои друзья разъехались: кто на дачу, кто в гости. И я, чтобы не сидеть дома, слушая бесконечное нытье Коцея, сначала шаталась одна по улицам, а потом, как обычно, зарулила в ТЦ, просидев там с одной порцией картошки не меньше часа, и уже собралась уходить, как в людском потоке, плавно текущем вдоль магазинов, вдруг заметила Томаша, а рядом с ним и Надю.

Томаш вел себя непривычно расслабленно и оживленно, а Надя просто из кожи лезла, красуясь перед ним. Цеплялась за его руку, хохотала и кокетничала. В другой руке она держала бутылку с водой, он нес пакеты с покупками. Негодование, обида, гнев, отчаяние захлестнули меня, да так,

что на несколько минут я напрочь выпала из реальности, а очнувшись, помчалась их догонять.

Они зашли в «Колинз» и долго выбирали для него футболку. Покупателей было совсем немного, поэтому я отлично их видела. Надя хватала одну футболку за другой и разворачивала перед ним, а Томаш либо отрицательно мотал головой, либо пожимал плечами. Предположение, что она покупает ему шмотки, поразило меня не меньше остального. Бедным Томаш точно не выглядел, обычная повседневная школьная одежда без понтов, рубашки всегда светлые и чистые, брюки глаженные, пиджаки сидели безупречно. Но позволить своей учительнице себя одевать — это выходило за рамки даже моего потребительского цинизма, благодаря которому я не считала зазорным бесплатно брать вещи у Бэзила. Мы с ним хотя бы были одного возраста и почти на одной социальной ступени.

Набрав охапку вещей, они отправились в примерочную. В другом магазине мне и в голову не пришло бы пойти за ними, но здесь закрывающие кабинки шторы крепились высоко под потолком, а кольца, на которых они держались, были такими тугими, что задернуть тяжелую ткань, не оставив щели, никогда не получалось. Именно поэтому мы с Лизой редко сюда заходили. Я сильно рисковала, но страха не было. Возможно, мне даже хотелось встретиться с ними, чтобы посмотреть на выражения их лиц.

Примерочная была длинная, со множеством кабинок и зеркальной стеной в торце.

На входе продавцов не оказалось. Никто не пересчитал мои вещи и не выдал номерок с их количеством. Большинство кабинок пустовало, но Надя с Томашем ушли в самый конец. Это стало ясно по Надиному смеху.

Я остановилась напротив их кабинки. Сквозь щель были видны голое плечо Томаша и локоть прижавшей его к стене Нади. Они целовались. Я вошла в соседнюю кабинку, задернула штору и, настроив на телефоне запись видео, просунула его за свою штору так, чтобы объектив камеры находился прямо напротив их щели. Снимала секунд семь,

замирая от страха быть обнаруженной, но, судя по их молчанию и шорохам, они продолжали целоваться.

С первого раза нормальной картинкой не получилось, в кадр попал только локоть Томаша и вешалки. Пришлось повторить два раза, немного меняя ракурс, чтобы наконец получилась десятисекундная запись, на которой вполне отчетливо можно было разобрать, кто есть кто и чем они занимаются.

Я провела там не дольше трех минут, но выскочила с ощущением, будто три часа пробиралась через минное поле. Сердце колотилось как бешеное, радость победы переполняла меня, но, когда, устроившись на мягком диванчике, я пересмотрела то, что сняла, накатило странное опустошение: ущербное сиротское чувство потерянности и ненужности, а еще горькое разочарование, обида и боль. Я ненавидела их обоих. Отправила со злости запись Лизе и просидела на том диване до самого закрытия ТЦ.

Телефонный звонок раздался, когда я протирала зеркало. Негромкий, заунывно-протяжный, он будто доносился из глубины Зазеркалья, и мне потребовалось несколько долгих секунд, чтобы сообразить, что звук идет из старого стационарного телефонного аппарата, висевшего рядом с зеркалом на стене.

Я осторожно подняла трубку и сказала: «Алло», но никто не ответил. Несколько раз повторила, но слышала лишь молчание. Быстро собравшись, я ушла.

ГЛАВА 5

Я отдала Ольге Олеговне ключ и даже отсидела последний урок, чтобы потом пойти к Бэзилу. Лиза на занятия не вернулась, и Липа долго допытывался, куда она делась. В глубине души надеясь, что ей хоть немного стыдно, я ответила, что ничего не знаю.

— Че хмурая такая? — Как только мы попрощались с Филом, Бэзил закинул руку мне на плечо.

- С Лизой поссорилась.
- Расскажешь?
- Нет.

Он скорчил кислую мину, и до его дома мы шли в обнимку, но молча. Каждый под своим капюшоном. Дождь казался бесконечным. За его блеклой пеленой мир стерся.

У семьи Бэзила была большая квартира в новостройке, и у него имелась собственная комната — просторная, с огромной лоджией и маленьким диванчиком на ней, где он совершенно открыто курил, и его мама делала вид, что ничего не замечает. Она была дома, но работала и встречать нас не вышла. Прошли напрямик к нему. Бэзил мимоходом ткнул ноут. Тот тихонько зашелестел и вынырнул из сна громким: «Не плачь, прошу! Я тоже не вывожу».

Широко расставив руки, я свалилась на кровать и замерла. У Бэзила было хорошо. Воздух чистый, и все чистое. По полу босиком ходить можно, кровать широкая и мягкая. На такой я тысячу лет проспала бы, может, выспалась наконец.

Бэзил, по-прежнему молча, стал переодеваться в домашнее. Успел скинуть пиджак на спинку стула и снять штаны, когда ему кто-то позвонил. Еще минут семь, пока он, рассекая туда-сюда по комнате в трусах и расстегнутой рубашке, перекрикивал музыку, болтая о своих футбольных тренировках, я, глядя в потолок, отлеживалась тюленем и представляла, как будто это моя комната.

Мы друг друга не стеснялись. Привыкли обходиться без этого. Когда-то Бэзил нравился мне как парень. Он вообще многим нравился. Это делало его наглым и самоуверенным, а может, наоборот, наглость и самоуверенность делали его привлекательным, трудно сказать. У нас с ним даже были недели две нервной, сумасшедшей влюбленности. Такой, когда не понимаешь, то ли хорошо тебе, то ли ужасно плохо, круглосуточно переписываешься и никак не можешь отлипнуть друг от друга. Но потом начались ссоры. Ему казалось, что я на него давлю, а мне — что он не считается с моим мнением. В общем, после разодранного в клочья учебника химии и разбитого телефона мы